К. И. Гуревич
ORCID: 0000-0001-6542-6203
✉ *kgurevuch@hse.ru*
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Россия, Москва)

Идеальный правитель, взаимодействующий с половцами: интерференция образов (на материале грузинских и древнерусских летописей)

Аннотация. В статье на материале древнерусских и древнегрузинских летописей обсуждаются ключевые характеристики образа правителя, взаимодействующего с половцами. С одной стороны, прослеживается, как восприятие половцев средневековым хронистом влияет на изображение правителя, связанного с половецкой средой. При этом учитываются самые разнообразные формы отношений с половцами, в частности, заключение браков, создание временных военных союзов или, напротив, вооруженное противостояние степнякам. С другой стороны, рассматривается, каким образом такой сложный конструкт, как «идеальный правитель», частично или полностью реализуемый на страницах исследуемых средневековых текстов, находит отражение в системе представлений о половцах и в какой степени половцы, как представители мира, во многом чуждого для средневекового автора-христианина, попадают под воздействие образа идеального властителя.

Ключевые слова: идеальный правитель, политические добродетели, половцы, русско-половецкие взаимодействия, древнерусские летописи, Давид Строитель, грузино-половецкие взаимодействия, «Картлис цховреба»

Для цитирования: *Гуревич К. И.* Идеальный правитель, взаимодействующий с половцами: интерференция образов (на материале грузинских и древнерусских летописей) // Шаги / Steps. Т. 7. № 3. 2021. С. 97–123. https://doi.org/10.22394/2412-9410-2021-7-3-97-123.

Статья поступила в редакцию 2 февраля 2021 г.
Принято к печати 9 июня 2021 г.

© К. И. ГУРЕВИЧ

K. I. Gurevich
ORCID: 0000-0001-6542-6203
✉ *kgurevuch@hse.ru*
National Research University
Higher School of Economics (Russia, Moscow)

An ideal ruler interacting with the Cumans: The interference of images (based on Georgian and Old Russian chronicles)

Abstract. Based on the material of Old Russian and Old Georgian chronicles, the article examines the key characteristics of the image of a ruler that interacts with the Cumans. On the one hand, the work traces how the perception of the Cumans by the medieval chronicler influences the image of a ruler connected with the Cuman milieu. Here the most diverse types of relations with the Cumans are taken into account, in particular, Cuman origin of the ruler, his matrimonial ties with these nomads, participation in temporary military alliances or, on the contrary, entry into armed confrontations with these steppe dwellers. On the other hand, the article pays attention to the way a complex construct "ideal ruler", partially or fully embodied on the pages of the scrutinized medieval texts, is reflected in the system of views on the Cumans. The study considers to what extent the Cumans, as representatives of a world mostly alien for a medieval Christian author, fall under the influence of the image of an ideal ruler. The article argues that the pragmatics of a medieval chronicle, either focused on the figure of a perfect ruler or concentrated on the history of a particular dynasty, immobilizes the image of the Cumans in a positive, neutral or negative evaluation system.

Keywords: ideal ruler, political virtues, Cumans, Russian-Cuman interactions, David the Builder, Georgian chronicles, Georgian-Cuman interactions, *Qartlis Cxovreba*

To cite this article: Gurevich, K. I. (2021). An ideal ruler interacting with the Cumans: The interference of images (based on Georgian and Old Russian chronicles). *Shagi / Steps, 7*(3), 97–123. (In Russian). https://doi.org/10.22394/2412-9410-2021-7-3-97-123.

Received February 2, 2021
Accepted June 9, 2021

© K. I. GUREVICH

Половцы (кипчаки, куманы), рано ставшие важнейшей военно-политической силой на границах евразийских степей, оказали существенное влияние на политическое поведение многих правителей. Одни прибегали к союзам с половцами, чтобы получить преимущество во внутренних конфликтах, другие использовали их для достижения внешнеполитических целей, третьи, напротив, намеренно избегали альянсов с кочевниками. Создавая историю народов, взаимодействующих с половцами, средневековый автор неизбежно конструировал портрет вершителя этой истории, правителя, наделенного безусловной властью. Часто этот портрет соотносился с образом идеального правителя, где «идеальность» — сложный конструкт, состоящий из культурных представлений, частных мнений и напластований традиций. В настоящей работе видится перспективным на материале древнегрузинских и древнерусских летописей XII–XIII вв. рассмотреть, как практика реального взаимодействия с половцами находила отражение в образе идеального правителя и, напротив, как трансформировался образ половцев под влиянием представлений об идеальном правителе.

Образ половцев в грузинских летописях

Образ союзников

Короткое пребывание половцев в Грузии в первой четверти XII в., по мнению исследователей, имело существенное влияние на последующее экономическое и социальное развитие Грузинского царства [Abashmadze 1969: 142]. Тем интереснее взглянуть на образ половцев, который рисует анонимный придворный историк царя Давида Строителя в «Жизнеописании царя царей Давида», входящем в состав средневековых грузинских летописей «Картлис цховреба». Изображение половцев здесь неразрывно связано с центральным образом царя Давида IV, созданным на пересечении житийной традиции и византийской модели идеального правителя (о влиянии византийской традиции на изображение идеального государя в древнегрузинской хронике см. подробнее: [Nikolaishvili 2011]). Образ Давида Строителя в «Жизнеописании» безупречен на всех уровнях — физическом, интеллектуальном, духовном: он предстает как добродетельный в высшей степени, образцовый воин и военачальник, мудрейший во всех своих начинаниях. Одним из его безукоризненных решений, по словам анонимного историка, становится призвание из степи половцев для помощи в борьбе против турок-сельджуков. Приведем отрывок «Жизнеописания», повествующий о приходе половцев, целиком:

> Поэтому он, второй Александр, замыслил — ибо не было иного выхода [как призвать кипчаков], — так как хорошо знал их многочисленность, храбрость в боях, быстроту в походах, ярость в атаке, легкоуправляемость и готовность во всем подчиняться его воле; вместе с тем, их было легко призвать как из-за их близости, так и из-за их бедности, и еще потому, что за много лет до этого привел он оттуда достойную, известную всюду своей добродетелью Гурандухт, дочь предводителя кипчаков Атрака, сына Шарагана; она стала его закон-

> ной супругой и царицей всея Грузии. Поэтому, послав доверенных людей, он призвал кипчаков и своего тестя [Картлис цховреба 2008: 189].

Основанный на династическом браке и обоюдных договоренностях, союз Давида Строителя и половцев, по всей вероятности, планировался задолго до его практической реализации. Тем не менее в тексте «Жизнеописания» подчеркивается, что половцы становятся ситуативным орудием в руках абсолютно мудрого царя. Их репрезентация здесь в значительной мере связана с фигурой Давида, более того, в полной мере ею определяется. Неслучайно в этом же пассаже жена царя, половчанка по происхождению, наделяется самыми хвалебными эпитетами. Центральная фигура совершенного государя, подчиняющая себе пространство нарратива, делает невозможным для грузинского хрониста введение негативных черт в образ половцев-союзников, тогда как, например, древнерусские летописи, которые мы в деталях рассмотрим ниже, вполне определенно указывают на отрицательные последствия союзов с половцами:

> Половьцѣ же начаша воевати ѡколо Чернигова. Ѡлговѣ не возбранѧющю . бѣ бо самъ повелѣлъ имъ воевати . се ouже третьѥе наведе Ѡлегъ погань҃ на Рускую землю. егоже грѣха да бы и Богъ простилъ понеже много хрестьѧнъ . їзъгублено бы[с]. а другое полонено бы[с]. и расточено по землѧмъ [ПСРЛ (2). Стлб. 217].

В грузинском тексте темные краски в описании половецких союзников и родственников Давида IV неизбежно ставили бы под сомнение смысл союза и бросали бы тень на решение правителя, а следовательно, дискредитировали бы фигуру царя, которому не было равных «среди древних и новых царей, как о том свидетельствуют свершенные им в своей мудрости дела, более блестящие и яркие, чем венец солнца» [Картлис цховреба 2008: 196].

Необходимо более подробно остановиться на характеристиках половцев, сопровождающих их первое появление в хронике, поскольку именно они составляют основу их образа у грузинского анонимного автора. На наш взгляд, структура этого образа диктуется утилитарным подходом: приглашение половцев давало много преимуществ с прагматической точки зрения, и именно практичность становится основным критерием в оценке половцев. Неслучайно положительные факторы союза перечислены в последовательном списке, в котором можно выделить девять основных компонентов: 1) многочисленность, 2) храбрость в боях, 3) быстрота в походах, 4) ярость в атаке, 5) легкоуправляемость, 6) готовность во всем подчиняться воле царя, 7) территориальная близость, 8) бедность, 9) брак царя с Гурундухт.

Рассмотрим каждый компонент более детально.

М н о г о ч и с л е н н о с т ь. Первая и, по-видимому, самая главная характеристика прибывшей в Грузию половецкой группы касается количества воинов. Одна из наиболее вероятных причин ее появления на первом месте соотносится с такой проблемой периода царствования Давида Строителя, как недостаток военной силы. Сам грузинский историк ниже скажет: «…с одним лишь грузинским войском и сам Александр не смог бы сделать ничего хоро-

шего» [Картлис цховреба 2008: 200]. Действительно, опустошенное войной с Сельджукским султанатом Грузинское царство потеряло большое количество воинов. Более того, внутренняя политическая обстановка была нестабильна, усугубляясь разногласиями между царем и политической элитой[1]. В такой ситуации именно помощь многочисленной половецкой орды возмещала недостаток имеющихся ресурсов. Заметим, что древнерусские летописи при описании союзов также часто обращают внимание на количество союзников русского князя (в том числе половцев), при этом нередко называют точное количество воинов [ПСРЛ (2). Стлб. 377, 455–456, 448]. Подобные указания свидетельствует о важности численных показателей союзной армии в оценке предстоящего союза.

На второе место грузинский хронист помещает главную воинскую добродетель — храбрость в боях. Как будет показано ниже, эта и две последующие характеристики уравнивают половцев с самим царем. Давид неоднократно называется храбрым, именно эта черта, по мнению автора, роднит образ грузинского правителя с Александром Македонским. «Храбрость в боях» позволяет не обесцениться «многочисленности», приводя количественную характеристику в соответствие с качественной.

Интересно, что в этом и двух следующих пунктах описание отличительных свойств половцев напоминает резюме плана помощи союзника во взаимодействии с врагом: бой, поход и вновь атака.

Быстрота в походах. В этом пункте характеризуется одно из основных преимуществ воинов-кочевников перед оседлым населением — повышенная мобильность.

Такое свойство, как ярость в атаке, с одной стороны, соотносится с «храбростью в боях», а с другой — противопоставляет половцев главному герою нарратива. Царь Давид в тексте анонимного автора представлен выдержанным и рассудительным даже в минуты боя:

> …бесстрашный и стойкий сердцем царь Давид построил свое войско, ‹…› прекрасно и предусмотрительно устроил он все дела, распорядившись всем спокойно и без суеты, показав опытность и мудрость [Картлис цховреба 2008: 192].

Яростность приписывается половцам не только грузинским автором. Византийская принцесса Анна Комнина, описывая союзные походы с половцами своего отца Алексея I Комнина, говорит, что порой именно их стремление атаковать заставляло идти в бой медлящего императора:

> …зная крутой нрав куманов, [Алексей I] больше не стал откладывать сражения. Определив следующий день для решительной битвы, он обещал куманам назавтра вступить в бой со скифами [Анна Комнина 1965: 235].

[1] Питер Голден объясняет призвание половцев желанием Давида Строителя заручиться поддержкой силы, которая не представляла чужих интересов и была бы верна ему одному как на внешней политической арене, так и во внутренних конфликтах с оппозиционной аристократией [Golden 1984: 59].

Здесь и далее из обширной византийской хронографической традиции «Алексиада» выбирается в качестве сравнительного материала по ряду причин: во-первых, Анна Комнина в большей степени, чем другие упоминающие половцев византийские историки (Никита Хониат, Георгий Акрополит, Георгий Пахимер, Никифор Грегора, Иоанн VI Кантакузин и др.), сосредотачивается на союзах с куманами более, чем на противостоянии им; во-вторых, создание образа идеального правителя становится стратегией «Алексиады», прославляющей деяния императора; наконец, период правления Алексия I Комнина (1081–1118) практически совпадает с царствованием Давида Строителя (1089–1125) и первым этапом взаимодействия с половцами на Руси.

Следующие характеристики — легкоуправляемость и готовность во всем подчиняться воле царя — с одной стороны, отличаются от предыдущих тем, что представляют половцев скорее не как субъектов, а как объектов действия. С другой стороны, обе эти черты, объединенные идеей контроля, соотносятся с перечисленными выше характеристиками. Многочисленность половецкой орды, ее храбрость, быстрота и особенно воинственная ярость непременно должны контролироваться. Грузинский хронист отдельно не упоминает о варварстве и дикости половцев, но образ, который он создает, связывается им с социально подвижным сообществом, требующим неустанного управления и организации. В этом же тексте мы находим еще одно указание на контроль над половцами в виде упорядочивания половецкой орды, встраивания этих кочевников в грузинское общество. После череды успешных походов Давид позволяет половцам перезимовать в Грузинском царстве, предварительно установив над ними контроль:

> Собрав их [кипчаков] и расположив по родам, он поставил над ними спасаларов и командующих. ‹…› Не зная устали и не считая обременительным [это занятие], он держал их в порядке, делал все своевременно, управлял и распоряжался ими по своему великому разумению [Картлис цховреба 2008: 190].

Идея контроля над союзниками-кочевниками была близка и византийскому императору, однако он решал эту задачу другими средствами:

> Опасаясь, что куманы соединятся со скифами ‹…›, император решил привлечь куманов на свою сторону; ведь это он призвал их к себе. ‹…› Император видел, какое множество куманов приближается к нему, и, зная податливость их нрава, боялся, что из союзников они превратятся во врагов и нанесут ему величайший вред. ‹…› [Алексей I] прежде всего решил призвать к себе куманских вождей. Последние немедленно явились к императору ‹…› Алексей приказал поварам приготовить для них роскошный стоя, он дружелюбно принял куманов, хорошо угостил их, вручил всевозможные дары, а затем потребовал от куманских вождей клятв и заложников — ведь ему был известен коварный нрав этих людей. Куманы с готовностью выполнили требование Алексея, дали ручательства… [Анна Комнина 1965: 233].

Византийский историк эксплицитно ассоциирует половцев с варварами и, в отличие от грузинского хрониста, не фокусируется на определениях, соотносимых с военной тематикой (многочисленность, безудержность в атаке) , а говорит о врожденных свойствах кочевников:

> Таковы были уловки самозванца. Куманы же, которым, как и всем варварам, легкомыслие и непостоянство присущи от природы, верили его словам [Там же: 268].

Прагматический аспект рассуждений хрониста ярко демонстрируется предпоследними характеристиками половцев: упоминанием о пространственном — близости — и экономическом — бедности — положении кочевников до прихода в Грузию. Эти характеристики уравновешивают развернутое свидетельство о призвании половцев: не только грузинский царь остро нуждался в союзнике, но и сами половцы находились в стесненных обстоятельствах. О бедности, ставшей последствием успешных антиполовецких кампаний Владимира Мономаха, исследователи уже писали [Golden 1984: 71]. Потеря пастбищ и общее разорение ускорили, по всей видимости, решение половецкой орды Отрока о переходе на службу грузинскому царю и о последующей седентеризации. Пространственная близость между Грузией и половецкими степями также стала значительным фактором в освоении новой культурной общности: соседство упростило принятие новой этнической группы грузинским обществом и облегчило половцам последующую ассимиляцию в Грузинском царстве. Кроме того, территориальная близость дала важное для военного союза преимущество во времени — переход половецкой орды в Грузию был недолгим.

Занимательно, что практически все перечисленные характеристики половцев в грузинском тексте абсолютно нерелевантны для древнерусских авторов. Летописцев не интересуют ни экономическое положение половцев, ни их мобильность, ни пространственная близость. Можно предположить, что большинство этих характеристик представляются достаточно очевидными авторам, наблюдающим непрерывное взаимодействие русских князей с половецким этносом. Подобная незаинтересованность летописи в этнографических характеристиках половцев может свидетельствовать о глубоком проникновении этих кочевников в русское общество, об их превращении в элемент повседневности.

Брак царя с Гурандухт. Кажется удивительным, что матримониальная связь грузинского царского дома и половецкой общности упоминается на последнем месте. Это может объясняться временно́й удаленностью события по сравнению с приходом половцев («за много лет до этого привел он ‹…› Гурандухт»). Гурандухт стала второй женой Давида IV. Исследователи предполагают, что царь женился на ней около 1106 г., после того как развелся с первой женой армянского происхождения и отослал ее в монастырь в Иерусалиме [Мургулия, Шушарин 1998: 109]. Таким образом, с заключения брака прошло более десятилетия, что может объяснять упоминание этой династической связи на последнее место среди причин, побудивших призвать половцев.

Интересно, что половецкая княжна закономерным образом мыслится уже как часть грузинского общества, не принадлежащая больше к половецкому

кругу. Прежде всего имя жены Давида IV является династическим именем царского рода Багратидов, ее половецкое имя неизвестно [Карсанов 1995: 396]. Характеризующий Гурандухт эпитет, переведенный как «достойная», в оригинальном тексте соотносится с христианским понятием «благословенная» и часто используется в описаниях грузинской царицы Тамар. Это указывает на принадлежность половецкой княжны к правящему дому и на ее оценку через систему понятий, применимых к царственным особам.

Таковы основные характеристики половцев, которые сопровождают их появление на страницах грузинской хроники. Другой важнейший аспект, без которого невозможно представить столь близкое взаимодействие государя-христианина с половцами-язычниками, — это, безусловно, конфессиональный вопрос. В отличие от русских летописей, грузинский источник решает проблему конфессиональных различий с легкостью. Грузинский автор говорит, что, следуя примеру лучших половецких воинов, отобранных для охраны государя, большинство половцев выразили желание креститься:

> И еще было у него отборных слуг, наученных брани, пять тысяч человек, все — принявшие христианство, достойные доверия, испытанной доблести. И большинство кипчаков день ото дня становились христианами, и бесчисленное множество вступало в лоно Христово [Картлис цховреба 2008: 190].

Текст предполагает, что элита половецкого войска, приближенные Давида, были христианами без исключения. И именно эти воины удостаиваются одобрительных эпитетов «достойные доверия, испытанной доблести». Однако в этом же пассаже анонимный автор упоминает и других половцев, плавно отходя от жесткого «все принявшие христианство» к «большинству кипчаков». Не обсуждая религиозные различия, грузинский хронист особенно подчеркивает положительную динамику, следуя принципу «медленно, но верно». Это особенно ярко проявляется в употреблении конструкции «день ото дня», уравновешенной оптимистичным «бесчисленное множество». Интересно, что половцы, будучи на стороне царя Давида, который «разбил язычников, истребил варваров, принизил царей, сделал рабами государей; арабов обратил в бегство, исмаильтян разгромил, персов развеял в прах» [Там же: 197] исключены из «варварского мира», куда их охотно поместили бы византийские историки, и «языческого мира», где им бы нашли место русские летописцы, неоднократно именовавшие половцев «безбожными сынами Измаиловыми».

Таким образом, конфессиональные противоречия разрешены, и открываются широкие возможности для заключенного союза.

Чтобы попасть в Грузинское царство без ущерба, половцы просят дать им возможность пройти через земли осетин, что требует личного вмешательства Давида Строителя:

> Они же приняли предложение с радостью, но попросили, чтобы им дали возможность пройти через овсов [осетин] с миром ‹…› Обеспечив кипчакам мирный путь, вывел он великое множество их, своего тестя и братьев своей жены; и не напрасно трудился он, ибо прибытие их не осталось безрезультатным [Там же: 190].

Интересно, что о подобной необходимости безопасного пути, ни разу не упоминаемой в русских летописях, идет речь в «Алексиаде»:

> Император решил отпустить куманов домой, но взял у них заложников, ибо опасался, что на обратном пути они рассеются во все стороны в поисках провианта и нанесут немалый вред селениям, расположенным вдоль дороги. Так как куманы просили обеспечить им безопасность в пути, Алексей поручил ‹…› позаботиться о куманах и благополучно доставить их к самому Зигу [Анна Комнина 1965: 238].

Эта параллель может указывать на то, что кочевники, совершающие переходы на большие расстояния, были вынуждены вести переговоры с правителями «транзитных» земель.

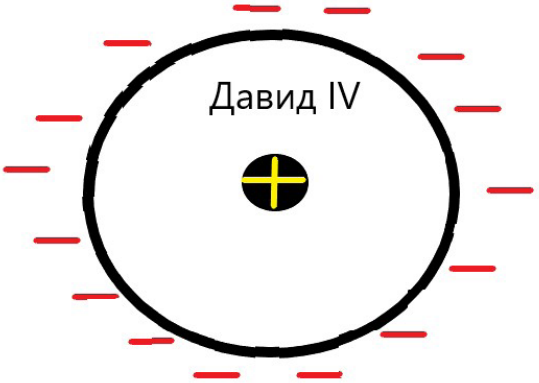
Повествование о начале взаимодействия Давида и половцев, опирающееся скорее на категории иерархического подчинения, чем военного сотрудничества, ведется с позиции предвиденного блага:

> Обеспечив кипчакам мирный путь, вывел он великое множество их, своего тестя и братьев своей жены; и не напрасно трудился он, ибо прибытие их не осталось безрезультатным: с их помощью истребил он все персидские войска, вызвав страх и ужас у всех земных царей, и благодаря их содействию он совершил невероятные дела, как будет сказано далее [Картлис цховреба: 189]

Грузинский летописец заблаговременно знает положительные последствия приглашения половцев и встраивает последующие эпизоды в заранее определенный положительный контекст. Противоположным образом, в рамках другой оценочной системы, действует русский летописец, когда указывает на первое нападение половцев на русские земли:

> Придоша Половци первоє на Руськую землю ‹…› се бы҃ первоє зло на Руськую землю . ѿ поганыхъ . безбожныхъ врагъ [ПСРЛ (2). Стлб. 152].

Основное отличие заключается в том, что грузинский историк с самого начала использует парадигму «союзника», выдержанную практически на всем протяжении текста, тогда как русский летописец прибегает к парадигме «врага», неизменной вплоть до монгольского нашествия. Ни одна из парадигм не подразумевает ситуативных изменений в оценке героев повествования, однако «союзническая» парадигма требует более стабильного основания. Таким основанием в грузинском тексте становится фигура царя Давида. Репрезентация половцев зависит от центрального образа, подчинившего себе пространство нарратива согласно всем традициям жанра жизнеописания. Фигура мудрого правителя довлеет над образом половцев и в то же время создает его, переводя отношения царя с половецкими родственниками из союзнических в вассальные, что особенно заметно в описаниях походов («…[Давид] переплыл бурный Мтквари со своими кипчаками по неизмеримо высокой воде, перебил турок и разорил Бардав» [Картлис цховреба 2008: 191]).

Ил. 1. *Схема оценки центрального образа в «Жизнеописании царя царей Давида»*
Fig. 1. *Illustration of assessment of the central image in* The Life of King David

Изображение половцев в грузинском тексте подчинено образу самого царя Давида. Поскольку биполярная нарративная система «Жизнеописания» предусматривает в личности Давида Строителя воплощение абсолютного идеала государя, соединяющего все положительные качества[2] , образ каждого, кто попадает в сферу влияния этой центральной фигуры, также получает положительный «заряд» (см. ил. 1).

Половцы, участвующие в военных победах Давида, помещаются слишком близко к абсолютно положительному центру, чтобы их образ был скомпрометирован негативными чертами.

Характеристики, которыми грузинский летописец наделяет половцев («храбрость в боях, быстрота в походах, ярость в атаке»), обнаруживают устойчивую связь с образом самого царя, о котором анонимный автор пишет:

> Хотя в Писании [Александр] Македонский уподобляется крылатому барсу из-за яростности в атаке, быстроты в походах по странам и великого многообразия деяний и замыслов, наш венценосец, новый Александр, хотя и живший после него, ни в действиях, ни в помыслах, ни в храбрости не уступал ему [Картлис цховреба 2008: 190].

Интересно, что в Книге пророка Даниила, к которой апеллирует автор, аллегорическая отсылка к царствованию Александра Македонского через образ барса не раскрыта: «Затем видел я, вот еще зверь, как барс; на спине у него четыре птичьих крыла, и четыре головы были у зверя сего, и власть дана была ему» (Дан 7:6). По всей вероятности, грузинский историк, говоря о быстроте походов и яростности в атаке Давида, наследующего Александру, опирается не на самого Даниила, а его на толкователей, например, Иеронима Стридонского, у которого находим:

[2] Визуальные источники этого периода также представляют Давида Строителя в рамках византийской традиции защитником Церкви, объединителем народов, новым Константином — см.: [Eastmond 2010: 67].

> Третье царство — македонское ‹…› сравнивается с барсом, быстрейшим зверем и δρμητικῇ [сноска: Быстро стремящимся, стремительно нападающим], который быстро устремляется, чтобы проливать кровь (in sanguinem), и с прыжками бросается, чтобы умерщвлять (in mortem). И он имел четыре крыла. Ибо ничего не было быстрее победы Александра, который от Иллирии и Адриатического моря до Индийского океана и реки Ганга быстро прошел не столько среди войн, сколько среди побед, и в шесть лет подчинил себе часть Европы и всю Азию [Иероним Стридонский 1894: 60] —

или Иоанна Златоуста, у которого читаем: «Он [Даниил] хотел показать быстроту и легкость и уничтожение всех властей посредством войн, и представил рысь». И ниже:

> Потом [Даниил] говорит, «барс», т. е. Александр, царь македонский, пробежавший всю вселенную, так как не было никого стремительнее и быстрее его; он был силен и быстр, как этот зверь [Иоанн Златоуст 1900: 527–528].

Таким образом, приближаясь к центру нарратива — фигуре царя Давида, — образ половцев становится все более совершенным и в то же время клишированным.

Образ союзников врага

В биполярной системе «Жизнеописания» есть граница, отделяющая славный мир царя Давида Строителя от мира его врагов. К удивлению, половцы появляются не только внутри «царского круга», но и за его пределами, в мире противников грузинского царя:

> В апреле напали в Шабуране на правителя Дербента, перебили курдов, леков и кипчаков, служивших правителю Дербента [Картлис цховреба 2008: 193].

Стоит вспомнить первое описание половцев на страницах «Жизнеописания»: насколько постепенным было введение их образа, настолько беглым представляется упоминание о том, что половцы заключали союзы и с другими правителями близлежащих земель и что случай Давида IV не был исключительным. В этой ситуации образ врага (здесь — образ дербентских половцев) не удается расширить, поскольку союзники и враги оказываются имеющими общее происхождение: осуждение одних половцев бросило бы тень на других, вступивших в союз с Давидом. Перечисление военных достоинств половцев и описание исключительно умелого использования их царем не позволяет нарративу предположить, что кто-либо из царей способен повторить подобный ход. Дальнейшего развития тема союзников врагов Давида не получает.

Образ врагов врага

Грузинские хроники позволяют увидеть половцев еще в одной перспективе — с точки зрения противников царя Давида, в частности, султана Махмуд ибн Мухаммада. Подчеркивая непобедимость Давида Строителя, автор «Жизнеописания» говорит, что даже султан «слал посланцев с дарами одного за другим, чтобы умилостивить лик его» и «просил мира, любви и безопасности от набегов кипчаков» [Картлис цховреба 2008: 194]. Здесь половцы становятся врагами врагов Давида, их дестабилизирующая сила играет положительную роль в его победах. Анонимный автор наблюдает со стороны оппозицию «совершающие набег половцы — их жертвы», которую русские летописи чаще всего описывают изнутри, с позиции жертв набега, поэтому естественным образом оценивают кочевников отрицательно. В случае же царя Давида деструктивная энергия половцев обращается на благо грузинского государя, а значит, в качестве врагов врага Давида, как и в случае его союзников, половцы наделяются положительными коннотациями.

Образ внутреннего врага

Лишь в самом конце «Жизнеописания», в той части, которая была написана после смерти царя Давида, анонимный историк намекает на то, что ситуация внутри «царского круга» была не так идеальна, как он описывал в начале. Давид Строитель много раз находился в серьезной опасности, и половцы играли в этих ситуациях не последнюю роль:

> Сколько раз замышляли измену его же кипчаки: подсылали к нему храбрых людей, одних — с мечами, других — с копьями, третьих — со стрелами. Было же это не раз, и не два, и не три, а много раз [Картлис цховреба 2008: 202].

Как мы видим, представление половцев также соотносится с образом врага, но врага внутреннего.

О наличии напряженности в грузино-половецких отношениях, выливающейся порой в открытые конфликты, свидетельствует историк Ибн аль-Асир, описывающий поход Давида как вторжение в мусульманские страны:

> До этого они [грузины] (часто) вторгались, но во дни Меликшаха и до конца царствования султана Мухаммеда они воздерживались; однако с наступлением этого года они выступили вместе с кипчаками и другими соседними народами [Ибн аль-Асир 1940: 126].

В описании Дигорской битвы читаем:

> Войска провели весьма тревожную ночь, думая о сражении, но бог неожиданно послал им облегчение: он посеял между курджами и кипчаками раздоры и вражду, и они бились между собой в ту ночь, а потом ушли, как беглецы и, таким образом, «бог избавил верующих от этой битвы» [Там же].

Оказывается, половцы в «Жизнеописании» не абсолютно положительны; «темным пятном» на их образе оказывается их неверность. Хотя автор не дает прямой оценки вероломству половцев, восприятие союзников меняется. Здесь можно вспомнить эпизоды, ранее повествующие о личной заботе Давида о половцах и выстраивающие отношения «личность — сообщество» (а не «сообщество — сообщество», как, например, у Ибн аль-Асира):

> Кипчаков же с их семьями расселил он в удобных для них местах ‹…› Он полностью обеспечил их конями и доспехами ‹…› Кто может счесть пленных, освобожденных им, и выкупленных им своих же кипчаков! [Картлис цховреба 2008: 190, 198].

Отношения «личность — сообщество» после предательства половцев нарушаются. Тем не менее не вполне естественной выглядит ситуация, когда отрицательная оценка приближается к персонажам из «царского круга», в центре которого находится фигура идеального правителя. Именно поэтому сообщение о случаях неверности половцев так сильно выделяется из общего нарратива и даже противоречит следующему утверждению автора:

> …никто — ни великий, ни малый, — не смел и помышлять о кознях и измене ‹…› Поэтому в его дни никто не устраивал заговоров против него, и никто не помышлял об измене, но все его остерегались и боялись [Там же: 199]

Нельзя не отметить, что предательское поведение половцев — ближайших союзников царя Давида — в нарративе «Жизнеописания» выглядит исключительным, оно нарушает гармонию идеального «царского круга» и могло бы быть принято за проговорку автора. Однако нарратор подчеркивает, что проявление половцами вероломства не было единичным, и повторяемость таких случаев позволяет говорить о тенденции («не раз, и не два, и не три, а много раз»). Во многом эту коллизию объясняет тот факт, что интересующий нас эпизод был написан уже после смерти царя Давида, когда фокус повествования сместился с описания государя как военного лидера, контролирующего все окружающее пространство, к его описанию как орудия провидения и милосердия Бога, уберегающего царя от зла в самых неблагоприятных ситуациях («всегда рука Всевышнего хранила его от преследователей» [Там же: 202]).

Итак, образ половцев в грузинской летописи представляет собой сложный конструкт, соединяющий несколько уровней положительных и отрицательных характеристик, которые могут быть выявлены на различных этапах нарратива.

Впоследствии в хронографических текстах союз с половцами продолжает рассматриваться грузинскими авторами как абсолютное благо. Безусловно, существенное значение для подобной оценки имеет конфессиональный аспект: основная масса половцев приняла крещение в Грузии, и впоследствии это сыграло важную роль в распространении христианства на завоеванных Грузией во второй половине XII в. южных территориях. Как было отмечено выше, привлечению половцев в Грузию предшествовал брак дочери половецкого князя Атрака и грузинского царя Давида Строителя. Грузинские источники не зафиксировали устойчивой практики матримониальных союзов Ба-

гратионов с половцами; скорее здесь можно говорить об одной из точек сближения династических перспектив. Так, правнучка Давида Строителя, царица Тамар, в 1185 г. выходит замуж за Юрия Андреевича Боголюбского, который, будучи внуком половчанки, до этого времени находился в половецкой степи у своих родственников. Понятно, что, в отличие от брака Давида Строителя, в случае замужества Тамар для Багратионов было важнее укрепить связи с русскими княжествами, чем установить прямые контакты с половцами. Грузинские хроники повествуют о Юрии именно как о «сыне великого князя русского Андрея», который «остался малолетним после отца и, преследуемый дядею своим Салаватом, удалился в чужую страну, теперь находится в городе кипчакского царя Севенджа» [Там же: 259]. Впоследствии, описывая неудачное развитие отношений Юрия и Тамар, грузинский летописец никоим образом не припоминает Юрию половецкое прошлое. Вероятно, не связан с половцами и образ «скифа», возникающий в описании непристойного поведения Юрия:

> Сатана, войдя в сердце русского [князя], именуемого скифом, побуждал его досаждать словами Тамар. ‹…› Подобно древнему хакану скифскому, враг этот и тут предпринял осаду; если хакан обложил царицу городов, здесь дьявол подступил к царице цариц [Там же: 261].

Грузинский хронист применяет термин «скиф», который византийские историки часто использовали в собирательном значении, относя его к болгарам, русским, печенегам или другим кочевникам [Литаврин 1960: 419]. Как отмечали исследователи, автор хроники о царице Тамар демонстрирует здесь знакомство с переводом на старогрузинский язык греческой повести Феодора Синкелла (VII в.) об осаде Константинополя в 626 г. [Боровский 1988]. Перевод был выполнен в 1042 г. монахом Георгием Мтацминдели, который озаглавил текст «Осада Константинополя скифами, кои суть русские». Сравнивая Юрия со скифским каганом, грузинский хронист, скорее всего, вменяет ему в вину не половецкое, а именно русское происхождение:

> У русского стали обнаруживаться скифские нравы: при омерзительном пьянстве стал он совершать много неприличных дел, о которых излишне писать, чтобы мой рассказ не затянулся [Картлис цховреба 2008: 306].

Так, византийская модель противопоставления варварства и цивилизованности лишается у автора грузинской хроники таких привычных для греческих источников компонентов, как языческая природа варваров, отсутствие у них полноценной государственности, культурная и языковая чуждость. На первый план выдвигаются другие византийские характеристики варварства: насилие, жестокость, попрание усвоенных обществом этических норм [Буданова 2012]:

> …русский еще более рассвирепел ‹…› стал совершать еще более губительные проступки; он даже подверг без причины избиению почетных людей и пыткам путем вырывания у них членов [Картлис цховреба 2008: 306].

Как было сказано выше, половецкое происхождение Юрия не обсуждается и не критикуется грузинским летописцем, что выглядит закономерным в свете той помощи, которую оказали половцы в подавлении мятежа, предшествовавшего воцарению Тамар, и той роли, которую играли военачальники половецкого происхождения при дворе грузинского царя. Хотя текстуальных оснований полагать, что, говоря о Юрии как о «скифе», хронист намекает на его связь с миром кочевников, очень мало, все же совсем отказаться от этой версии мешает прекрасная осведомленность автора о происхождении и, что важнее, о местонахождении Юрия до призыва в Грузию.

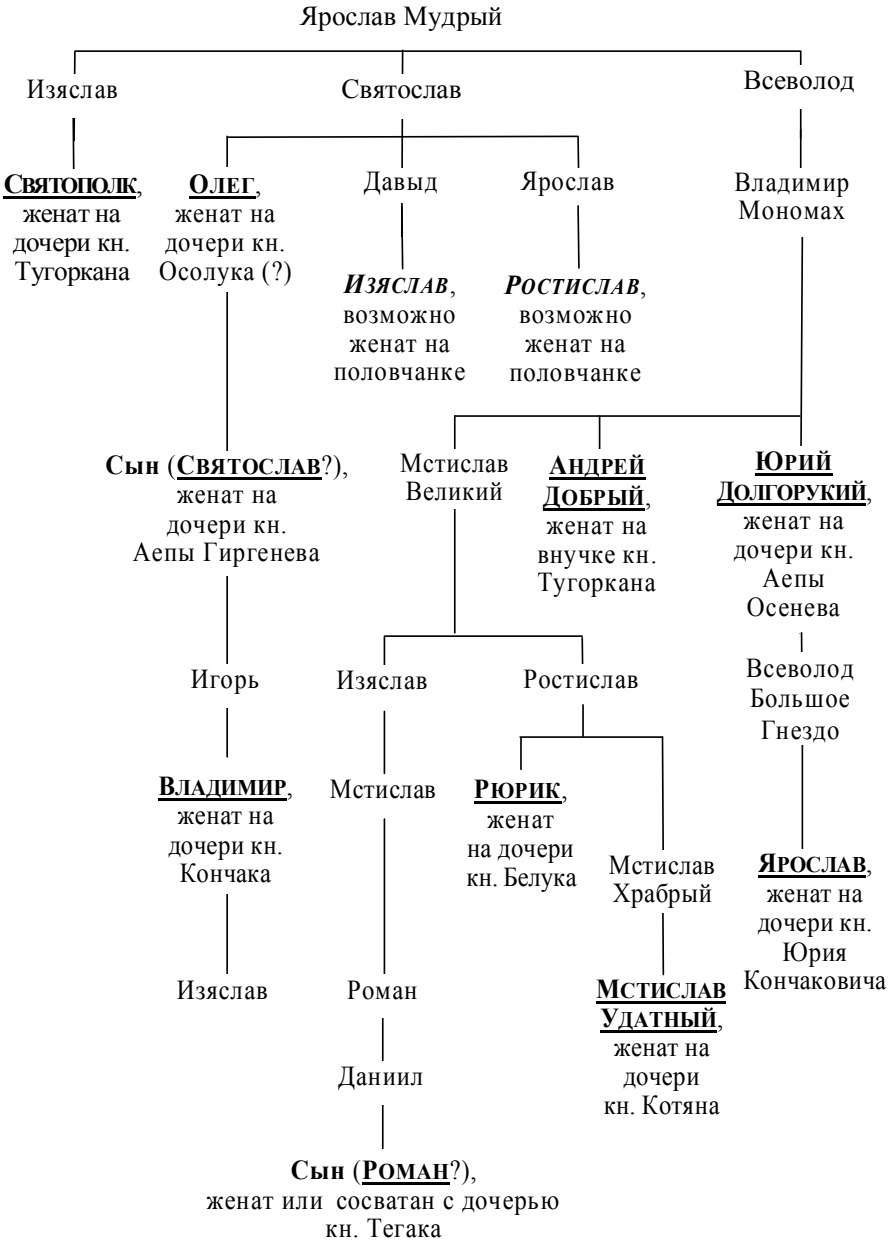
Таким образом, половцы, однажды попав в эпицентр грузинской политической жизни, остались в целом положительно оценены грузинской историографией, связавшей их с образом идеального правителя царя Давида Строителя. Противоположным образом обстоит ситуация в русских летописях, авторы которых стали свидетелями не однократной, а практически непрерывной практики союзов русской элиты и половцев. Как в этом случае союз с половцами влиял на образ русского князя? Можно ли говорить о влиянии образа самого князя на образ половцев-союзников, как это произошло в грузинском тексте?

Браки с половцами на Руси и образ идеального правителя

Поиск ответов на поставленные выше вопросы стоит начать с рассмотрения матримониальных союзов, тем более что на Руси династические союзы с половцами — практика в разы более распространенная, чем единичные случаи в Грузии. Уже к концу XI столетия, спустя полвека после появления половцев у границ русских княжеств, сыновья Ярослава Мудрого начинают брать в жены половецких княжон, закрепляя таким образом мирные соглашения со степью [Литвина, Успенский 2013: 21]. Подобная практика продолжается вплоть до монгольского завоевания, выражаясь в сложной системе браков, связывающих род Рюриковичей с половецким миром (см. схему, разработанную А. Ф. Литвиной и Ф. Б. Успенским [Там же: 90, рис. 1] и представленную здесь на ил. 2).

Обсуждение оценок русско-половецких союзов в рамках образа идеального правителя стоит начать с существенного парадокса: русский летописец предельно внимателен к русско-половецким взаимодействиям, тщательно отмечает общие генеалогические связи, характеризует детали взаимных дипломатических практик, но при этом не оценивает эксплицитно динамику этих взаимодействий, молчаливо опровергая их политическую значимость. То, что половцы-союзники все же оцениваются летописцем, можно установить лишь на языковом уровне [Гуревич 2020].

Матримониальные связи в летописной оценке не учитываются; даже при описании конфликтов с половцами и в случаях, когда их необходимо упрекнуть, русский книжник не прибегает к известному средневековому топосу «злой жены праведного мужа», возможности для разворачивания которого дают многочисленные браки русских князей с половчанками. Летописи не называют имен жен-половчанок до их вступления в брак. Здесь, безусловно, сказывается общий андроцентризм русских летописей, однако среди небольшого количества

Ил. 2. *Русско-половецкие матримониальные связи*
Fig. 2. *Russian-Cuman matrimonial linkages*

женских имен, упомянутых в летописях, мы не знаем ни одного половецкого. Половчанки находятся в тени своих мужей и отцов, никак не характеризуясь летописцем и существуя лишь как связующее звено между княжескими родами. Иначе, как мы помним, поступает грузинский летописец, который описывает дочь половецкого князя (получившей, что важнее, статус жены грузинского царя) как «достойную, известную всюду своей добродетелью». Уже на этом этапе становится очевидной разница в фокусе двух историографических традиций: династический фокус русского летописания, нацеленный на фиксацию взаимодействия родов, и концентрация на образе монарха как смыслообразующего ядра всего нарратива в грузинской хронике.

Оценка русским летописцем князей, вступивших в матримониальный союз с половчанками, заслуживает отдельного внимания. Казалось бы, это является поводом для дискриминации князей, породнившихся с язычниками. Тем не менее сам факт женитьбы оказывается малозначимым в оценке деятельности князя. Наиболее яркие примеры относятся к периоду, близкому по времени к приглашению половцев в Грузию. Мы знаем, что в 1118 г. Давид Строитель призывает половцев — подданных своего тестя половецкого князя Атрака (известного на Руси как Отрока), сына Шарукана. Исследователи видят в этом реализацию закрепленных браком договоренностей, достигнутых в 1106 г. [Мургулия, Шушарин 1998: 109]. Именно в это время, в 1107 г., русский князь Владимир Мономах женит своего сына Юрия (будущего Юрия Долгорукого) на дочери половецкого князя Аепы, внучке Осеня. Владимир Мономах оказывается одним из первых русских князей, кто использует союзы с половцами для усиления своего положения во внутренних конфликтах. Подобное поведение никак не отражается на оценке деятельности князя: ни Лаврентьевская, ни тем более Ипатьевская летопись не выражают осуждения Владимира и после его смерти посвящают князю пространный панегирик. Стоит заметить, что в панегирике Ипатьевской летописи особо отмечается такая заслуга Владимира Мономаха, как борьба с половцами (походы 1103, 1111, 1116 гг.): «егоже слухъ произиде . по всимъ странамъ . наипаче же бѣ страшенъ . поганъımъ» [ПСРЛ (2). Стлб. 289].

Безусловно, пример Владимира Мономаха не дает возможности удостовериться в том, что родственные связи с половцами не влияют на оценку деятельности князя. Зато на примере его сына Юрия, того самого, которого великий князь женил на половецкой княжне, можно увидеть, что даже если князь не ведет активной борьбы с половцами и тем самым не «компенсирует» родство с ними, его репутация в летописном тексте не проигрывает от брака с половчанкой. Потомков половецких княжон также не упрекали за их происхождение. В числе многих примеров можно упомянуть Святослава Ольговича, сына Олега Святославича от дочери половецкого князя Осолука. Святослав, хотя и связан родством с половцами и не раз прибегает к помощи своих половецких уев, не подвергается критике в летописях.

Отсутствие в русских летописях порицания князей за происхождение или матримониальные связи с половцами открывает более широкую тему для размышлений: как союз с половцами (необязательно закрепленный браком) соотносится с образом идеального князя в целом? Меняет ли фигура князя восприятие половцев в летописном тексте? И, наоборот — учитывая, что в

грузинском тексте фигура идеального правителя «очищает» и «обеляет» образ половцев, — оказывает ли в русских летописях влияние на образ правителя их негативное восприятие (ср., в частности, многочисленные отрицательные эпитеты половецких князей — «окаянный», «треклятый», «злу начальник» и т. д.)?

Говоря о формировании образа идеального правителя в грузинской и русской историографии, необходимо помнить об общем источнике — византийской традиции, которая, тем не менее, неодинаково отразилась в древнегрузинских и древнерусских сочинениях. Если грузинская традиция прославляет идеал в образе живого, активно действующего монарха, то в древнерусских летописях, напротив, черты идеального правителя в наибольшем количестве обнаруживаются в посмертных панегириках князьям.

Панегирик древнерусской летописи как завершение образа идеального правителя

Безусловно, сравнивать византийские жанры и древнерусские панегирики князьям не совсем корректно, в том числе и потому, что фигура князя попросту не равна фигуре императора, а значит, нерелевантными оказываются такие актуальные со времен Константина Великого идеи, как священная власть над всеми землями, необходимость подчинения главе земного царства как царства небесного. Тем не менее уподобление князя царю все же встречается в панегириках, в частности, в панегирике Давиду Ростиславичу, где говорится, что «злыѣ҃ каждѣ҃ ѣ҃коже подобаеть ц҃рмь творити» [ПСРЛ (2). Стлб. 703] — способность судить и наказывать оказывается отличительной чертой совершенного властителя.

Хотя в наибольшей степени наследие византийского энкомия прослеживается именно в панегириках, летописи формируют собственную панегирическую традицию: панегирики достаточно многочисленны (их, например, насчитывается более 20 в домонгольских статьях Ипатьевского свода), подобны как по принципу построения (от указания на внешние данные князя до подтверждения его следования светским установлениям и, что важнее, описания личного благочестия), так и по наполнению (схожие лексические конструкции, общие места в характеристиках князей, повторяющиеся мотивы: храбрость в боях, нищелюбие, кротость, забота о церквях и монастырях и т. д.).

Возвращаясь к союзам с половцами и к влиянию этих союзов на образ князя, стоит сказать, что на получении / неполучении князем посмертного панегирика никак не отражается факт его взаимодействия с половцами. Существуют панегирики как тем князьям, которые обращались к союзам с половцами во время междоусобных конфликтов, так и тем, что не прибегали к половецкой помощи.

Рассмотрим, какую долю среди общего числа панегириков занимают панегирики сотрудничавшим с половцами князьям (их имена выделены разрядкой).

В Повести временных лет: Мстиславу Владимировичу, Ростиславу Владимировичу, Глебу Святославичу, Изяславу Ярославичу (половцы — союзники врагов), Ярополку Изяславичу, Всеволоду Ярославичу (половцы — союзники врагов).

В Киевской летописи: Владимиру Мономаху (активно прибегал к союзам с половцами), Игорю Ольговичу, Владимиру Давыдовичу (сообщение о смерти ставится в один ряд с сообщением о пленении половецких князей: «оубиша Володимира кн҃зѧ . Двд҃вича . Черниговьского . доброго и кроткого . и инъı многъı избиша и Половечьскиѣ кн҃зѣ многъı изоимаша» [Там же. Стлб. 438]), Изяславу Мстиславичу, Ярославу Юрьевичу, Святославу Ростиславичу, Глебу Юрьевичу (активно прибегал к союзам с половцами), Святославу Юрьевичу, Андрею Юрьевичу (+ половецкое происхождение князя), Мстиславу Ростиславичу (ходил в походы на половцев и чудь — в панегирике упомянута борьба «против поганых»), Роману Ростиславичу (половцы — союзники врагов), Владимиру Глебовичу (антиполовецкие кампании), Ярославу Владимировичу, Всеволоду Святославичу (антиполовецкие кампании), Давыду Ростиславичу (в 1168 г. отказался от похода на половцев, но впоследствии много с ними воевал).

Таким образом, из 21 панегирика шесть, т. е. около 30%, посвящены князьям, которые вступали в союзы с половцами.

Подобная неоднородная картина, оставляя открытым вопрос о законах получения панегирика одними князьями и неполучения другими, демонстрирует, что союз князя с половцами не является преградой для формирования впоследствии его идеального панегирического образа. Панегирики, наиболее приближенные к агиографическим жанрам, часто можно считать «заявкой» на последующую канонизацию князя. Интересно, что сотрудничество с половцами не является препятствием и для канонизации (это подтверждают примеры Игоря Ольговича, Андрея Юрьевича, Владимира Мономаха, который, по-видимому, был местночтимым святым). Это сближает ситуацию на Руси с Грузинским царством: не раз упоминавшийся нами грузинский царь Давид Строитель, призвавший половцев и одержавший с их помощью ряд крупных побед, был канонизирован уже в XIII в.

Нельзя, тем не менее, умолчать о борьбе с половцами как возможном элементе образа идеального правителя. В панегирике Владимиру Мономаху одна из первоочередных заслуг князя — его антиполовецкие кампании («был страшен поганым»). Мстислав Владимирович также прославляется летописцем за то, что по примеру отца «загна Половци за Донъ . и за Волгоу за Гиикъ» [ПСРЛ (2). Стлб. 308–309]. Ни один из известных панегириков не только не ставит в заслугу князю союз с половцами, но и не упоминает о нем, из чего можно заключить, что борьба против половцев ценится летописцем выше, чем союз с ними. Этот вывод подтверждает «мольба» киевлян, в форме заповеди переданная Владимиру Мономаху киевским митрополитом и великой княгиней: «ѩко створити миръ . и блюсти земли Рускои . и брань имѣти с погаными» [Там же. Стлб. 238].

Важно понимать, что панегирик становится последним этапом в развитии образа князя, яркой точкой, за пределами которой нет трансформаций этого образа. Оставляя панегирики как интереснейший элемент летописной риторики, требующий отдельного исследования, заметим, что из хвалебных отзывов по мере приближения их к обобщенной «композиции из текстуальных блоков, уже встречавшихся до того в пределах той же самой летописи» [Толочко 1999: 26] исчезают указания на конкретные деяния князя (в том числе на союзы с

половцами), снижается персонификация каждого конкретного образа, соответственно панегирик малоэффективен для анализа репрезентации отдельно взятого князя.

Характеристики идеального правителя в русских летописях

Попытки изобразить идеального правителя в древнерусских летописях, бесспорно, не сводятся исключительно к панегирикам. Более того, пока князь еще жив и политически активен, описания его деяний более информативны, чем в случае с посмертными панегириками. Как и византийские историки, русский летописец не чуждается аксиологической риторики, однако чаще всего не вплетает ее в перечисление деяний князя, а помещает в отдельный пассаж. Так, для летописца «братолюбие» становится качеством, особенно возвышающим князя перед другими: Вячеслав, призывавший Изяслава Мстиславича и Юрия Долгорукого мириться (хотя фактически не сохранял нейтралитет), получает высокую оценку, сопровождаемую библейскими цитатами:

> ...кнѣзь Вѧчеславъ незлобивъ срⷭ҃цемъ . хвалѧ преславного Бо҃ . поминаѭ писание . аще имѣете вѣру ѩко зерно синапьно . реⷦ҃те горѣ сеи преди преидеть . и пакы помѧнувъ слово гл҃щее . Бо҃люблю а брата ненавидѧ ложь еси . аще Бо҃ любиши люби брата . Вѧчеславъ же нача брату молвити Гюргеви . брате мирисѧ [ПСРЛ (2). Стлб. 393].

Более ярким примером служит эпизод с Владимирком Володаревичем: встав между городами Владимиром (где находился Вячеслав) и Луцком (где находился Юрий), Владимирко фигурально встал между родственниками, предупредив эскалацию конфликта, за что и был награжден летописцем чередой положительных характеристик:

> добрѣи бо кнѣзь Володимиръ . братолюбиемъ свѣтѧсѧ . миролюбиемъ величаѭсѧ . не хотѧ никому зла того дѣлѧ межи ими ста хотѧ ѣ оуладити [Там же. Стлб. 391].

В целом можно говорить о том, что воинственность в древнерусском тексте ценится куда менее, чем в византийской традиции. Умение уклониться от военного конфликта в русском летописании получает большее одобрение со стороны книжника как признак мудрости и благочестия князя; способность «утишить лютую брань» ценится им выше, чем воинские добродетели:

> Ꙗрополкъ же бѧше събралъ множьство вои . на нь изо всихъ земль . и приемъ расмотрение срⷭ҃ци не изиде на нь противу . ни створи кровопролитьѭ . но оубоѩвсѧ соуда Бо҃ия ствосѧ мнии в нихъ хоулоу . и оукоръ прияѭ на сѧ . ѿ брⷭ҃ѣ своеѭ и ѿ вси҃ по рекшему любите враги ваша . и створи с ними миръ [Там же. Стлб. 299].

Что касается храбрости — главной добродетели воина в грузинских и византийских источниках — характеристика «храбр на рать» действительно

попадает в панегирики и ассоциируется с защитой русской земли, однако в летописи это выражение часто характеризует молодых (например, Владимира Глебовича) или проявляющих несдержанность князей. Так, о Изяславе Мстиславиче летопись говорит:

> Изѧславъ же то слъшавъ Мьстислави ражеже ср҃це болма на Сѣослава . бѣ бо храборъ крѣпокъ на рать . исполчи воѣ свои поиде на Сѣослава [Там же. Стлб. 336].

Изяслав несколько раз принимает импульсивные решения о начале военных действий, заканчивающихся поражением, описание которого летописец предваряет замечанием о надежде князя на собственные военные силы:

> ...ѡнъ же не восхотѣ . надѣꙗсѧ на множество вои . река добъылъ есми головою своею Киева . и Переꙗславлѧ [Там же. Стлб. 380].

Подверженным гневу и самоуверенному планированию своей победы рисует летописец князей, которым через несколько эпизодов суждено быть посрамленными:

> Сѣославъ . располѣсѧ гнѣвомъ . и раждьсѧ ꙗростью ‹…› помъисли во оумѣ своємь . ꙗко Дв҃да имоу . а Рюрика въиженоу изъ землѣ . и приимоу єдинъ власть . Роускоую и с братьєю . и тогда мьщюсѧ Всеволодоу . ѡбидъı своѣ . Бъ҃ бо не любить . въıсокоıꙗ мъıсли нашиꙗ . возносѧщаго смирѧєт [Там же. Стлб. 614–615].

Идеальный князь, согласно летописи, возлагает надежду не на себя и свои воинские умения, а исключительно на Бога; только Бог дает победу и наказывает поражением [Флорес 2019]. Здесь кроется еще одно важное отличие русской летописной традиции от византийской. Русский князь не продумывает ход сражения, не разрабатывает сложные планы, он всецело полагается на Бога. Если византийские историки ценили в императоре мудрого стратега и тактика, то русский летописец не уставал подчеркивать, что победа одерживается благодаря вмешательству высших сил, особенно если сражение ведется против язычников:

> и поидоша полкове аки борове . и не бѣ презрѣти ихъ . и Русь поидоша противу имъ . и Бъ҃ великъıи . вложи оужасть велику в Половцѣ . и стра҃ нападе на нѧ и трепетъ . ѿ лица Русскъı҃ вои . и дрѣмаху сами . и коне҃ ихъ не бѣ спѣха в ногах [ПСРЛ (1). Стлб. 278].

> и падаху Половци предъ полкомъ Володимеровомъ . невидимо бьеми анг҃лїмъ . ꙗко се видѧху . мнози чл҃вци . и главы летѧху невидимо стинаемы на землю [ПСРЛ (2). Стлб. 267–268].

> ...и то видивъ . Мьстиславъ . и похвали всемл҃ствaго Ба҃ . и сѣою Бориса и Глѣба . помочь невидимо гонѧщеѣ [Там же. Стлб. 577].

Даже когда нет помощи от союзников, князю помогает Бог и родительская молитва:

> Ярополкъ же кнѧзь оукрѣпивсѧ . и иде по нихъ . с Божьею помощью . не жда . ѿ брата помощи ни ѿ другаго толко с Переѧславци постиже ѧ . видѣвше ихъ мало . воротишасѧ опѧть . и поидоша исполчившесѧ . противу тогда же блг҃овѣрного кнзѧ корень . и блг҃овѣрнаѧ ѿрасль . Ꙗрополкъ призва имѧ Бйе и ѿц҃а своего . съ дружиною своею дьрьзну . И сразившемасѧ полкома . побѣжени бывше погании . силою чс҃тнаго крс҃та и сѣтомъ Михаиломъ . часть ихъ избиша . а часть ихъ истопе в рѣкѣ и поможе ему Бъ҃ и ѿц҃а его мл҃тва [Там же. Стлб. 290].

Именно поэтому описание каждого крупного сражения летописец завершает формулой похвалы Бога, вложенной в уста победившего князя. Интересно, что во внутренних конфликтах эта формула произносится попеременно одерживающими победу князьями: произнесение имени Бога не становится привилегией отдельно взятого участника событий, что еще раз указывает на сложность в определении симпатий летописца.

Образ князя, взаимодействующего с половцами

1. Отрицательная оценка. Итак, установив, какие характеристики идеального правителя в русских летописях применимы к живому, политически активному князю, можно рассмотреть репрезентацию русского князя, взаимодействующего с половцами.

Анализ летописных эпизодов показывает, что наиболее уязвимым для критики князь становится тогда, когда вследствие его поступков страдают интересы мирного населения. Действительно, хотя летописец удерживается от прямых инвектив, обещания будущего воздаяния не оставляют сомнения в виновности князей, чьи действия повлекли разорение христиан. И здесь, безусловно, союзы с половцами оказываются провоцирующим элементом. Например, образы князей Бориса и Олега Святославича, впервые в истории Руси использовавших половцев для междоусобной борьбы, значительно страдают от чинимых теми разграблений:

> приведе Ѡлегъ и Борисъ поганыѧ на Рускую землю ‹…› и побидиша Половцѣ Роусь . и мнози оубьени бъıша тоу ‹…› Ѡлегъ же ї Борисъ . придоста Чернигову . мьнѧще ѡдолѣвше . а земли Рускои много зла створивши҃ пролыѧше кровь хрестьѧньску . юѧ же кровь взъıщеть Бъ҃ . ѿ руку еѧ . ѿвѣтъ дати за погиблыѧ дц҃а хрестьѧньскѣ [ПСРЛ (2). Стлб. 191].

Или через 16 лет:

> се ауже третьıее наведе Ѡлегъ поганыѧ на Рускую землю . егоже грѣха да бы и Богъ простилъ понеже много хрестьѧнъ . їзъгублено бы҃ . а другое полонено бы҃ . и расточено по землѧмъ [Там же. Стлб. 217].

В этих и других сообщениях об Олеге Святославиче прослеживается явное осуждение его летописцем, оправдывающее прозвище князя *Гориславич* в «Слове о полку Игореве». Осуждение Святославичей распространилось и на небрежное упоминание о погибшем от собственных союзников-половцев Романе Святославиче:

> Приде Романъ с Половцѣ к Воиню ‹…› и възрати^{с} Романъ въспѧ^{т}. ї бывшу ему оубиша и Половцѣ . мї҃а . авгу^{с}. в҃ . дн҃ь . ї су^{т} кости его и до се^{г} лѣта тамо лежаче [Там же. Стлб. 196].

Таким образом, союзы Святославичей с половцами, сопрягавшиеся с набегами последних на мирное население, негативно влияли на изображение самих князей в летописи.

Урон мирным жителям, христианам, нанесенный половцами, даже в условиях, когда последние состояли в союзе с русским князем («роте»), по мнению летописца, являлся веской причиной не пощадить половцев. Так, в эпизоде с Итларевой чадью дружина Владимира Ярославича, советуя убить гостей-половцев, аргументирует это так:

> ...ѡнѣ к тобѣ всегда ротѣ ходѧще губѧть землю Рускую . и кровь хрестьѧньску проливають беспрестани [Там же. Стлб. 218].

Неприязнь к князьям, вступающим в союзы с половцами и участвующим в разграблении мирного населения, может долго не проявляться в летописном тексте, хладнокровно перечисляющем убытки:

> Половцемъ пришедшимъ къ Всеволоду . Всеволодъ же съ братьею своею и съ Изѧславомъ . и Сѣполкомъ Мьстиславичема . и поидоша воююче села и городи Переѧславьскои . власти и люди сѣкуще . доже и до Киева . придоша и Городець зажгоша . на сѣго Андрѣѧ дн҃ь . ѣздѧху по онои сторонѣ Днѣпра . люди емлюще . а другыѧ сѣкуще . нѣ оутѧгшимъ . перевестисѧ имъ . нѣлзѣ бо бѧше перевестисѧ крами . и плениша же и скота бещисленое множество [Там же. Стлб. 296].

Однако наступает момент, когда становится очевидной позиция летописца, сопоставляющего князя, не нуждающегося в союзах и рассчитывающего на помощь Бога, и князя, активно пользующегося союзами с половцами. Интересно, что ее отчасти проговаривает мирное население, некое сообщество:

> ...людие Черниговци въспиша къ Всеволодоу . тъı надѣешисѧ бѣжати в Половцѣ . а волость . свою погубиши . то к чемоу сѧ ѡпѧть воротишь . лоуче того ѡстанисѧ въсокооумьѧ своего . и проси си мира . мъı бо вѣдаемъ мл^{с}рдие Ѩрополче . ѧко не радоуетсѧ . кровипролитью . но Ба҃ ра^{д} въсхощеть мира . то бо съблюдаеть землю Роусьскоую [Там же. Стлб. 301].

После описания особенно разрушительных половецких набегов летописец может дойти практически до прямых инвектив, как в случае с набегом Кончака, продолжительное время состоявшего в союзе с Игорем Ольговичем. Неизвестно, с кем именно Кончак приехал к переяславльским землям, но участь этих куманофилов, по мнению летописца, незавидна:

> ...аще кто любить врагы Бйѧ . то сами что приимоуть ѿ Бг̃а . сии же бг̃остоуднъи Кончакъ . со єдиномысленъими своими . приѣхавше к Переѧславлю . за грѣхы наша много зла створи крс̃тьѧномъ [Там же. Стлб. 612].

Почти демоническими представляются образы Всеволода и Святослава Ольговича, после всех перечислений страданий христиан радующихся набегам половцев:

> …симъ казьнить нъı нахожениємь поганъıхъ . се бо єсть . батогъ єго да некли смѣрившесѧ . въспомѧнемсѧ ѿ злаго поути . то слъıшавши Ѡлговичи . Всеволодичь . Сл̃ославъ . ѡбрадовашасѧ . аки не вѣдоуще . Бж̃иѧ казни [Там же. Стлб. 603].

2. Положительная оценка отсутствует. В летописях не встречается случаев, когда союз русского князя с половцами был бы оценен автором положительно.

3. Нейтральное отношение. Замечательной особенностью является непостоянность оценки летописцем союза русского князя с половцами и ее влияния на образ князя. Она обусловлена не этапом взаимодействия с половцами (идет ли речь о времени, когда практика союзов с ними только утверждалась, или о периоде интенсивных союзов), а политической и социальной обстановкой. Во время отсутствия набегов половцев на Русь союзы с ними воспринимаются летописцем нейтрально. Русский князь вполне может одновременно уповать на Бога и Богородицу и пользоваться поддержкой половцев:

> Сл̃ославъ же сгадавъ с браг̃ею . и с Половци с моужи своими възрѧ на Бг̃а на сл̃оую Бц̃ю изииде въ срѣтение емоу [ПСРЛ (2). Стлб. 335].

> ...реч̃ тако ли мнѣ части нѣтоу в Роускои земли . и моимъ дѣтемъ . скоупивъ силоу свою Половци и поиде надѣѧсѧ на Бъ̃ [Там же. Стлб. 374].

Ничто не мешает князю обращаться к Богу и закономерно побеждать после этого, находясь в союзе с половцами. Более того, нехристианское происхождение союзников оказывается неважным, как, например, в случае Ростислава Юрьевича, уверяющего Изяслава Мстиславича, что его оклеветали перед союзниками:

> кн̃зь ли которъıи . а се ѧ к немоу . моужь ли которъıи въ хрс̃тьѧнъıх̃ или в поганъıхъ . а тъı мене старѣи . а тъı мѧ с ниѵ̃ и соуди . Изѧславъ же речь̃ емоу . того на мнѣ не проси хотѧ мѧ заворожити . съ хрс̃тъѧнъıми или с поганъıми [Там же. Стлб. 373].

То есть союз с половцами не обязательно влечет за собой ущерб для репутации князя; взаимодействие с кочевниками становится одной из граней образа богобоязненного и осмотрительного князя-воина.

Заключение

Задумываясь над чертами, присущими идеальному правителю, хронисты оказывались перед необходимостью сочетать насущное и вечное, вневременное и злободневное. В случаях взаимодействия с половцами авторам хроник предстояла нелегкая задача вписать военные столкновения или союзы, диктуемые изменчивой политической ситуацией, в непреложный образ идеального правителя. Грузинский придворный историк создал образ мудрого, просвещенного правителя, идеального военачальника, в свете которого образ половцев получал новые, но неизменно положительные характеристики. В русских летописях, смещающих фокус с восхваления военных добродетелей на возвеличивание миролюбия и смирения, образ идеального правителя оказывается намного более сложным и размытым конструктом. Союзническое взаимодействие с половцами-язычниками, на деле превращающееся в длительную дипломатическую практику, на страницах летописи практически не получает эксплицитной оценки, пока не заходит речь об угрозе для мирного населения, что еще больше затрудняет кристаллизацию образа идеального правителя, взаимодействующего с половцами. Нет тех монохромных характеристик, нет той полярности, которую можно найти у грузинского хрониста, зато есть многогранный мир жизни династии, где вопрос об идеалах решается после кончины князя, а до смерти возможно все.

Источники

Анна Комнина 1965 — *Анна Комнина.* Алексиада / Под ред. А. П. Каждан. М.: Наука, 1965.

Иоанн Златоуст 1900 — Полное собрание творений святителя Иоанна Златоуста. Т. 6. Кн. 2. СПб.: [б. и.], 1900.

Ибн аль-Асир 1940 — Материалы по истории Азербайджана из «Тарих-ал-камиль» (Полного свода истории) Ибн-ал-Асира. Баку: АзФАН, 1940.

Иероним Стридонский 1894 — Творения блаженного Иеронима Стридонского. Ч. 12: Толкования на пророков: Даниила, Осию, Иоиля. Киев: Тип. Корчак-Новицкого, 1894. (Б-ка творений свв. отцев и учителей Церкви западных, издаваемая при Киевской Духовной Академии; Кн. 21).

Картлис цховреба 2008 — Картлис цховреба: История Грузии / Пер. с груз.; Под ред. Р. Метревели. Тбилиси: АРТАНУДЖИ, 2008.

ПСРЛ — Полное собрание русских летописей. Т. 1: Лаврентьевская летопись. Вып. 1–3. Л.: Изд-во Акад. Наук СССР, 1926–1928; Т. 2: Ипатьевская летопись. СПб.: Тип. М. А. Александрова, 1908.

Литература

Боровский 1988 — *Боровский Я. Е.* Византийские, старославянские и старогрузинские источники о походе русов в VII в. на Царьград // Древности славян и Руси / Отв. ред. Б. А. Тимощук. М.: Наука, 1988. С. 114–119.

Буданова 2012 — *Буданова В. П.* Варвары и варварство в антропологии цивилизаций // Цивилизация и варварство. [Вып. 1]: Трансформация понятий и региональный опыт / Отв. ред. В. П. Буданова, О. В. Воробьева. М.: ИВИ РАН, 2012. С. 10–46.

Гуревич 2020 — *Гуревич К. И.* Дейксис в описаниях русско-половецких взаимодействий // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2020. № 2 (80). С. 128–147.

Карсанов 1995 — *Карсанов А. Н.* Об одном известии Ипатьевской летописи // Аланы: История и культура / [Под ред. В. Х. Тменова]. Владикавказ: [б. и.], 1995. С. 389–402.

Литаврин 1960 — *Литаврин Г. Г.* Болгария и Византия в XI–XII вв. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1960.

Литвина, Успенский 2013 — *Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.* Русские имена половецких князей: Междинастические контакты сквозь призму антропонимики. М.: Полимедиа, 2013.

Мургулия, Шушарин 1998 — *Мургулия М., Шушарин В*. Половцы, Грузия, Русь и Венгрия в XII–XIII веках. М.: [РАН; Ин-т славяноведения и балканистики], 1998.

Толочко 1999 — *Толочко А. П.* Похвала или Житие? (Между текстологией и идеологией княжеских панегириков в древнерусском летописании) // Palaeoslavica. Vol. 7. 1999. С. 26–38.

Флорес 2019 — *Флорес А. Г.* Пути искупления греха и спасения души в древнерусской литературе // Текст, контекст, интертекст: Сб. науч. ст. по материалам Междунар. науч. конф. XV Виноградовские чтения: В 3 т. Т. 2: Русская литература. История. Междисциплинарные гуманитарные проблемы / [Под ред. И. Н. Райковой]. М.: Общество с ограниченной ответственностью «Книгодел», 2019. С. 406–409.

Abashmadze 1969 — *Abashmadze V.* Narkvevebi Sak‘art‘velos politikur możġvrebat‘a istoriidan. T‘bilisi: T‘bilisis universitetis gamomc‘emloba, 1969. [Цит. по: *Golden P.* Cumanica I: The Qipčaqs in Georgia // Archivum Eurasiae Medii Aevi. 1984. 4. P. 45–87].

Eastmond 2010 — *Eastmond A.* Royal imagery in medieval Georgia. University Park: Pennsylvania State University Press, 2010.

Golden 1984 — *Golden P.* Cumanica I: The Qipčaqs in Georgia // Archivum Eurasiae Medii Aevi. Vol. 4. 1984. P. 45–87.

Nikolaishvili 2011 — *Nikolaishvili S*. Byzantine imperial ideology and political thinking: Model for the 12th-century Georgian kingship // Phasis. № 13–14. 2011. P. 345–352.

References

Borovskii, I. E. (1988). Vizantiiskie, staroslavianskie i starogruzinskie istochniki o pokhode rusov v VII v. na Tsar’grad [Byzantine, Old Slavonic, and Old Georgian sources on the campaign by Rus’ against Constantinople in the 7th century]. In B. A. Timoshchuk (Ed.). *Drevnosti slavian i Rusi* (pp. 114–119). Nauka. (In Russian).

Budanova, V. P. (2012). Varvary i varvarstvo v antropologii tsivilizatsii [Barbarians and barbarism in the anthropology of civilizations]. In V. B. Budanova, & O. V. Vorob’eva (Eds.). *Tsivilizatsiia i varvarstvo*, (Vol. 1) *Transformatsiia poniatii i regional’nyi opyt* (pp. 10–46). IVI RAN. (In Russian).

Eastmond, A. (2010). *Royal imagery in medieval Georgia.* Pennsylvania State Univ. Press.

Flores, A. G. (2019). Puti iskupleniia grekha i spaseniia dushi v drevnerusskoi literature [Ways of redemption from sin and salvation of the soul in Old Russian literature]. In I. N. Raikova (Ed.). *Tekst, kontekst, intertekst; Sbornik nauchnykh statei po materialam Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii XV Vinogradovskie chteniia*, (Vol. 2, pp. 406–409). Obshchestvo s ogranichennoi otvetstvennost’iu “Knigodel”. (In Russian).

Golden, P. (1984). Cumanica I: The Qipčaqs in Georgia. *Archivum Eurasiae Medii Aevi, 4*, 45–87.

Gurevich, K. I. (2020). Deiksis v opisaniiakh russko-polovetskikh vzaimodeistvii [Deixis in descriptions of Russian-Cuman interactions]. *Drevniaia Rus'. Voprosy medievistiki, 2020*(2(80)), 128–147. (In Russian).

Karsanov, A. N. (1995). Ob odnom izvestii Ipat'evskoi letopisi [On one record in the Hypatian chronicle]. In V. Kh. Tmenov (Ed.). *Alany: istoriia i kul'tura* (pp. 389–402). (N. e.). (In Russian).

Litavrin, G. G. (1960). *Bolgariia i Vizantiia v XI–XII vv.* [Bulgaria and Byzantium in the 11th–12th centuries]. Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. (In Russian).

Litvina, A. F., & Uspenskij, F. B. (2013). *Russkie imena polovetskikh kniazei: Mezhdinasticheskie kontakty skvoz' prizmu antroponimiki* [Russian names of Cuman princes: Interdynastic contacts through the prism of anthroponymy]. Polimedia. (In Russian).

Murguliia, M., & Shusharin, V. (1998). *Polovtsy, Gruziia, Rus' i Vengriia v XII–XII vekakh* [The Cumans, Georgia, Rus' and Hungary in the 12th–13th centuries]. Rossiiskaia akademiia nauk, Institut slavianovedeniia i balkanistiki. (In Russian).

Nikolaishvili, S. (2011). Byzantine imperial ideology and political thinking: Model for the 12th-century Georgian kingship. *Phasis, 13–14*, 345–352.

Tolochko, A. P. (1999). Pokhvala ili Zhitie? (Mezhdu tekstologiei i ideologiei kniazheskikh panegirikov v drevnerusskom letopisanii) [Encomium or vita? Between the textology and ideology of princely panegyrics in Old Russian chronicles]. *Palaeoslavica, 7*, 26–38. (In Russian).

* * *

Информация об авторе

Каролина Игоревна Гуревич
ассистент, образовательная программа «Филология», Школа филологических наук, Факультет гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Россия, 105066, Москва, Старая Басманная ул., д. 21/4, стр. 1
*Тел.: +7 (495) 772-95-90, *22731*
✉ *kgurevich@hse.ru*

Information about the author

Karolina I. Gurevich
Teaching Assistant, Bachelor's Programme Philology, School of Philological Studies, Faculty of Humanities, National Research University Higher School of Economics
Russia, 105066, Moscow, Staraya Basmannaya Str., 21/4, Bld. 1
*Tel.: +7 (495) 772-95-90 *22731*
✉ *kgurevich@hse.ru*